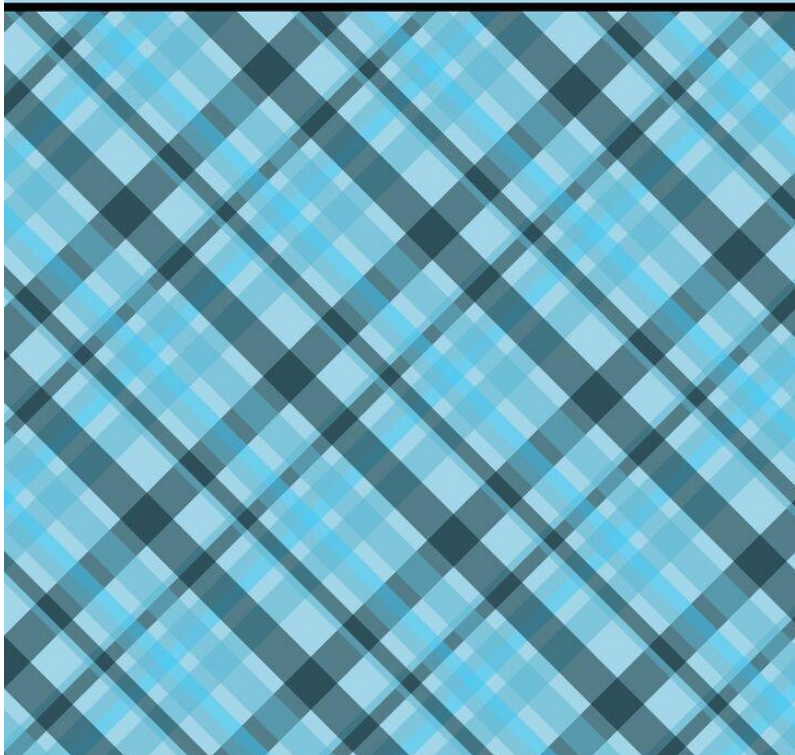

18+

АНДРЕЙ ЗАЙНУЛИН

Тонкая грань

Андрей Зайнулин

Тонкая грань

<https://litres.ru/74319824>

ISBN 9785007090124

Аннотация

Пьеса «Тонкая грань» — фантастическая драма о прогрессе и его цене. Главная героиня Катя сталкивается с частичной невидимостью в мире технологий: прогресс делает человека незаметным. В сюжете — роботы, которые есть уже почти везде. И в финтесе, где живые люди — это только посетители. И в больнице тоже роботы, которые применяют современные технологии, которых еще нет в наши дни. Пьеса о том, как современность стирает грани между роботом и человеком, наукой и этикой... Таких граней — множество.

Содержание

Тонкая грань	5
Акт I, Сцена 1	6
Акт I, Сцена 2	9
Акт I, Сцена 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тонкая грань

Андрей Зайнулин

© Андрей Зайнулин, 2026

ISBN 978-5-0070-9012-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тонкая грань

Пьеса в двух актах.

Действующие лица

Катя, 24 года. Учитель математики, самозанятая.

Оля, 24 года. Двоюродная сестра и подруга Кати.

Мама, 57 лет, мама Кати.

Папа, 62 года, папа Кати.

Ирина, 40 лет. Соседка и подруга Кати.

Артём, 17 лет, сын Ирины. У них дружеские отношения с Катей, почти как у брата с сестрой.

Робот-врач. Неопределенного возраста.

Алиса, голос технологии, нейросеть, который учится быть человеком; в финале выходит на сцену как обычная девчонка. Ей больше 18 лет, но она моложе Кати.

Места действия:

1. Город (городской сквер).
2. Комната Кати.
3. Кухня Кати.
4. Комната Артема.

Акт I, Сцена 1

Городской сквер ранним вечером. На одной из скамеек — Катя: перед ней ноутбук. Чуть позже к Кате приходит Папа.

ПАПА

(подходит, садится рядом, не сразу, давая Кате ещё секунду побыть наедине с мыслями).

Чем занята, дочка? Читаешь новость, что раньше молодые романтики влюблялись в статуи, а теперь — в ту Алису, что сидит во всех умных устройствах? Или про того, кто хочет подать в суд на эту самую Алису из-за того, что не понравился прогноз погоды?

КАТЯ

(улыбается)

Нет, папа. Я работаю над проектом под названием «Суд над прогрессом». Только мне не хочется, чтобы это был суд с молотком. Пусть это будет просто... общий дневник. Где каждый человек поставит свою подпись под тем, что с ним случилось. Но главное — показать, как причастен к этим событиям прогресс. Он помог или наоборот? Или может он совсем ни при чем?

(Мимо проходит парень с небольшой колонкой: из неё доносится чёткий топот копыт и звук из конюшни — фыркание, ржание. Звук проносится и затихает. Достаточно

тихий звук, но распознаваемый.)

ПАПА

(задумчиво смотрит на прохожих, будто примеряет эту идею к ним)

И каждый решает: друг или враг.

КАТЯ

Да. И никто не будет считать, кого больше. Не в этом суть. Суть в том, что каждый голос — это не статистика. Это чья-то правда. Даже если она маленькая. Даже если про самокат, который чуть не сбил, или про навигатор, который вывел из пробки.

(На сцене появляется девушка с портативной колонкой: сквозь колонку пробивается ровный гул — шум поезда метро. Звук в меру громкий, не оглушающий. Узнаваемый, как пульс города.)

ПАПА

(чуть наклоняет голову, будто взвешивает саму идею)

А если люди не захотят? Скажут: «Мне не до дневников. У меня день и так как гонка».

КАТЯ

(чуть пожимает плечами)

Кто-то не захочет. И это тоже будет частью картины. Но кто-то напишет. Одну строчку. Потому что ему важно, чтобы эту строчку кто-то прочёл. Даже если это будет один человек.

ПАПА

Тогда давай сделаем так: ты запускаешь этот дневник. А

я... я тоже напишу. Не ради проекта. Ради того, чтобы самому себе ответить на этот вопрос. Сегодня, например, прогресс был... ни тем, ни другим. Он просто был. Как дождь. Как ветер. А вот как я с ним обошёлся — это уже моё дело.

КАТЯ

(смотрит на него с тихой благодарностью)

Вот. Именно это. Не ярлык. А взгляд. Свой.

(Пауза. Мимо идёт подросток, на колонке у него — звук взлетающей ракеты: короткий, мощный. Этот звук уже намного громче предыдущих, почти оглушающий)

КАТЯ

(тихо, почти себе под нос, но так, чтобы Папа услышал)

С сегодняшнего дня... мы начинаем слушать.

АКТ I, Сцена 2

Комната Кати. Вечер. На стене — небольшая доска для занятий. На столе — стопка ученических тетрадей, раскрытый блокнот, чашка с остывшим кофе. Катя сидит, склонившись над тетрадями, водит ручкой, ставит аккуратные пометки. Время от времени она вздыхает — не от злости, а от усталости и какой-то почти личной обиды за эти пропавшие цифры.

КАТЯ

(вслух, будто разговаривает с самими ноликами, и в её голосе — смесь строгости и искреннего недоумения).

Ну почему? Почему все мои ученики так часто теряют нолики? Это же просто ужас.

(Она берёт маркер, подходит к доске, рисует большой, немного грустный нолик и подписывает над ним: «0». Потом стирает и пишет по-другому: «Нолик». Потом снова стирает и пишет: «НоЛик». А потом еще раз: «Но, но, но,.. Лик!». А потом снова стирает и снова пишет: «Лик.»).

КАТЯ

Вот смотри. Выходит утром нолик из дома. Отправляется по своим делам... А что потом? Исчезает? Испаряется?

(Катя отходит на шаг, смотрит на доску, будто ждёт, что нолик ей ответит, и вдруг улыбается.)

КАТЯ

Отправляется на планету забытых ноликов! Точно!

(Быстро дописывает на доске: «Планета Забытых Ноликов. Одиночество: 1 000 000%». Потом снова садится к тетрадам, берёт одну из них, показывает пальцем на пример, где нолик потерялся.)

КАТЯ

Представь. Прилетает он туда. А там... на миллион квадратных метров — один нолик. Нолики уже не могут друг с другом сложить сумму, не могут образовать десяток. Им там скучно и одиноко. И самое страшное: они там забывают, зачем нужны. Начинают думать, что они ничего не значат. А ведь это неправда!

(Резко подчёркивает потерянный нолик в тетради ярко-оранжевым маркером.)

КАТЯ

Но мы его спасём. Мы его вернём. Потому что без него всё рушится. Вот смотри: было 500, а без ноликов стало просто 5. И всё, вся величина исчезла. Как будто у дома отобрали целых два этажа.

(Записывает исправленный пример, ставит рядом маленький смайлик — как знак победы над ошибкой. Берёт следующую тетрадь.)

КАТЯ

Ладно, следующий. Ага... и тут убежал. Ну куда же ты, дружок? Тебе здесь работа есть. Ты не для того родился, чтобы на далёкой планете грустить. Возвращайся в число, ста-

новись в ряд. Или в разряд. Как тебе нравится? Стань частью большого числа.

(Работает ещё немного: исправляет, комментирует, иногда бормочет себе под нос формулы, иногда снова обращается к «пропавшим» ноликам. Останавливается, смотрит на часы, потом на стопку тетрадей — она всё ещё высокая, но уже не кажется такой пугающей.)

КАТЯ

Так. Всё. Сегодня мы спасли столько ноликов, сколько смогли.

(Закрывает последнюю тетрадь, берёт маркер и стирает с доски всё, кроме одного большого, гордо нарисованного нолика. Рядом с ним пишет: «Герой дня». Садится, откидывается на спинку стула, выдыхает.)

КАТЯ

(тихо, почти шёпотом, но с улыбкой).

Пусть завтра они вспомнят про эту планету. Пусть подумают: «Не хочу отправлять нолик в одиночество». И тогда... тогда он останется на месте.

(За окном темнеет. В комнате тихо. Катя встаёт, подходит к окну, на секунду замирает, глядя на городские огни. Возвращается, берёт блокнот и записывает туда новую идею для урока: «Игра: кто быстрее найдёт и „спасёт“ все нолики в длинном примере». Закрывает блокнот. Улыбается чуть шире.)

Акт I, Сцена 3

Кухня Кати. Вечер. На столе остывает пирог. Елена неторопливо расставляет две чаши.

КАТЯ

Мам, я сегодня в поликлинике была.

(Пауза)

И знаешь... самое странное было не в том, что там всё по-новому. А в том, кто там теперь врач. Это... робот. Не человек.

ЕЛЕНА

Робот. Как это выглядит?

КАТЯ

Как обычный кабинет. Та же дверь, те же стены. Только на табличке не фамилия, а просто: «Нейросеть (робот)».

ЕЛЕНА

И ты зашла?

КАТЯ

(кивает)

Да. Перед кабинетом стоит арка, как сканер в аэропорту. Шагнул внутрь — и она сразу всё видит: давление, сахар, да же то, что раньше только на МРТ узнавали. В общем, очень много всего другого... Без иголок, без боли, без внутреннего контакта. За минуту.

ЕЛЕНА

И никакой беготни по кабинетам...

КАТЯ

Никакой. Никаких очередей, никаких «сначала сдайте кровь». Сканер даёт полную картину. Дальше робот смотрит данные и говорит только по делу.

ЕЛЕНА

А он вообще говорит? Или просто листок выдаёт?

КАТЯ

Говорит. Спокойно. Без интонаций, которые можно принять за упрёк. Он не смотрит так, будто ты ему мешаешь. Не вздыхает, если не можешь правильно назвать симптом. Просто задаёт вопросы и фиксирует.

ЕЛЕНА

Помнишь, ты говорила: «Самое страшное в поликлинике — не диагноз, а то, как на тебя посмотрят»?

КАТЯ

Помню. Сегодня мне не пришлось этого бояться. Вообще.
(Катя поворачивает запястье к свету. Запястье почти всё прозрачное: видны сосуды и бегущие по ним крошечные зелёные кристаллики.)

КАТЯ

Вот из-за этого я и была в поликлинике. Мне дали особое задание. Нужно каждый день смотреть на эти кристаллики, записывать цвет. По ним видно состояние крови. Зелёный — это норма, но не идеал. Ближе к красному — значит, дела хуже. А если цвет как цветок лаванды, нежный фиолето-

во-лиловый, — это высший балл. Сейчас зелёные. Надо дождаться нужного лунного дня, чтобы цвет стал лавандовым. Тогда состав крови будет оптимальным для донорства. Но сдавать будут другие люди. Мы только помогаем вычислить лучший день. Хотя среди доноров, возможно, будет несколько из тех, кто помогал найти нужный лунный день. Нам тоже не запрещается.

ЕЛЕНА

(подходит ближе, но не трогает)

Ты... не боишься?

КАТЯ

Боюсь не флакона, который делает запястье почти полностью прозрачным, а того, что если кристаллики станут красными — значит, я что-то делаю не так. Или мир этот не для меня. Ну или просто не тот лунный день. А если лавандовые — значит, вписываюсь.

ЕЛЕНА

Это тяжело. Когда от цвета чего-то зависит, чувствуешь себя как под лупой.

КАТЯ

Но знаешь, что ещё... В очереди девчонки шептались, и эти шёпоты меня почему-то держали. Они рассуждали о том, кто лучше: человек или робот. Одна сказала: «Зато он не будет на меня смотреть. Вообще никак. Только протокол». Другая подхватила: «И не будет вздыхать, если я не знаю, как правильно назвать симптом. Машины не вздыхают».

Третья тихо добавила: «А ещё не надо мучиться, к кому идти — к женщине или к мужчине. Раньше я вообще боялась заходить, если знала, что там мужчина. Даже если просто горло болит, всё равно неловко».

Четвёртая кивнула: «Да и женщины не все ведут себя так, как хочется. Кто-то торопит, кто-то будто ждёт, что ты всё знаешь сама. А тут... тут вообще не надо ничего подстраивать. Робот не оценивает, не торопит, не смотрит с укором. С ним намного проще и интереснее. Уже не боишься».

(Пауза)

ЕЛЕНА

Да уж. Роботы повсюду. И с ними намного проще, чем с человеком.

КАТЯ

А главное — никто на тебя не пялится. Робот же не мальчик, не мужчина. Он просто считывает данные. И не приходится краснеть, когда раздеваешься.

Я вдруг поняла: я не одна так думаю. Для многих самое ценное в этом роботе — не скорость и не точность. А то, что он не судит. И не пялится.

А еще одна девчонка в очереди сказала тихо, будто продолжает мысль предыдущей:

Ведь как было прежде: только появится красивая девушка — тут же набегут эти якобы практиканты или интерны. А на самом деле только поглазеть.

ЕЛЕНА

Значит, прогресс здесь не про технологии. Он про безопасность. Про право болеть без стыда.

КАТЯ

Раньше всё держалось на вопросах. Врач спрашивает, ты отвечаешь. А если вопрос слишком личный, ты либо мямлишь, либо вообще не говоришь. Девочки почти всегда отвечали не так, как надо, — просто не хотели никого пускать в своё личное. Из-за этого диагнозы ставили неправильно. Не из-за того, что врач плохой, а потому, что ты сам не смог про себя рассказать.

ЕЛЕНА

Да... Самое трудное — не болезнь. А умение честно и правильно все рассказать. Не побояться быть «нехорошей девочкой».

КАТЯ

Бывало и хуже. Не просто неловкость, а будто ты сама виновата, что пришла. Стоишь и думаешь: «Только бы не заплакать, только бы не выглядеть глупой». От этого всё из головы вылетает.

ЕЛЕНА

Я помню. Ты тогда сказала: «Я больше не пойду». И я тогда ничего не могла с этим сделать.

КАТЯ

А сейчас не надо ничего вытягивать. Сканер в арке сам получает ответы. Дистанционно. Не вторгаясь. Самое неловкое просто исчезает: не надо подбирать слова, не надо оправды-

ваться. Машина не судит, она просто собирает данные. Шагнул в арку — и всё уже известно. Без страха, что тебя неправильно поймут.

ЕЛЕНА

То есть ты не должна была никого впускать. Тебя просто увидели.

КАТЯ

Мам, ты столько раз возвращалась из поликлиники с таким лицом, будто тебе ещё и виноватой пришлось побыть. А теперь можно просто шагнуть в эту арку, получить данные, а дальше — если надо — поговорить с тем, кто уже всё знает и не будет вытягивать из тебя каждое слово. Без очередей, без упрёков. И вопросы уже почти не нужны — все данные сканирует арка.

ЕЛЕНА

Это честно. Не делать вид, что всё идеально. А сразу: вот граница, вот страховка.

(Пауза.)

Ну и как ты сейчас себя чувствуешь? Проблема решена? Ты же ходила туда не только из-за кристалликов в крови?

КАТЯ

(тихо, с облегчением)

Да, всё нормально. Спасибо, мам. Знаешь... я даже рада, что там был именно робот. Для меня это было правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.